

Золотарев Владимир Антонович —

президент Ассоциации историков Второй мировой войны, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор.

Vladimir A. Zolotarev —

World War II Historians Association.

Консолидация германского общества и праворадикальных сил в Европе в условиях гитлеризма

УДК 93+929

Одной из важнейших задач продолжает оставаться необходимость понимания того, почему с такой скоростью протекали два процесса: приход к власти в Германии НСДАП во главе с Адольфом Гитлером и последующая консолидация вокруг национал-социалистов не только значительной части германского электората, но и правых (в первую очередь праворадикальных) сил в Европе и мире в целом.

Ключевые слова

Гитлер, германская нация, НСДАП, нацизм, Веймарская республика.

Какие причины предопределили успех борьбы Гитлера за власть в 1932–1933 гг. и консолидацию германского народа? К началу 1930-х годов в Германии складывалась сложная социально-политическая обстановка. Мировой экономический кризис, начавшийся в США в 1929 г., означал снижение уровня поддержки Германии американским капиталом (до минимального). Это привело к массовой безработице, сложилась основа для прихода к власти радикальных сил. Краткий «золотой век» Веймарской республики, пришедшийся на период 1924–1926 гг., был, по сути, единственной, причем неудачной, попыткой привить принципы западной демократии на германской политиче-

ской почве. Со смертью в 1929 г. рейхсканцлера Густава Штресемана внутриполитический кризис Веймарской республики обозначился окончательно. С этого момента у Германии потенциально было три основных пути развития.

1. Утверждение военной диктатуры (в первую очередь в лице рейхсканцлера генерала Курта фон Шлейхера). У этого сценария было весомое преимущество — его стал негласно поддерживать президент Веймарской республики Пауль фон Гинденбург. Однако его реализации препятствовало наличие ряда серьезных проблем. В частности, планы К. фон Шлейхера не получили достаточной под-

Consolidating German Society and Right-Wing Radical Forces in Europe in the Conditions of Hitlerism

One of the most important tasks remains the need to understand why two processes were going at such a speed: coming to power in Germany of the NSDAP headed by Adolf Hitler and the subsequent consolidation around the National Socialists not only of a significant part of the German electorate but also of the right (first of all right-wing) forces in Europe and in the world as a whole.

Keywords

Hitler, the German nation, NSDAP, Nazism, the Weimar Republic.

держки в Германии. Последний канцлер старой Веймарской республики опирался в первую очередь на идеи пруссачества, которые лежали в основе создания Второго рейха — Германской империи (1871–1918). Однако за годы существования Веймарской республики пруссаки стали постепенно оттесняться представителями других немецких земель, в первую очередь выходцами из Баварии и Северного Рейн-Вестфалии. Капиталистические круги как внутри Германии, так и за ее пределами, в первую очередь в США и Великобритании, были заинтересованы в гражданской, а не в военной фигуре. В этом случае, как ошибочно полагали на Западе, будет гарантирована возможность договариваться по всем ключевым проблемам. В условиях глубокого социально-экономического кризиса поддержка мирового капитализма приобретала огромное значение.

2. Приход к власти коммунистов во главе с Эрнстом Тельманом. На пути реализации данного сценария также возник ряд серьезных проблем. Первая из них — коммунисты не были готовы блокироваться с социал-демократами в рейхстаге для создания общего правительства. Ключевое значение в данном случае имели указания из Москвы. Стремление Коминтерна и Кремля обеспечить отказ от

привязки коммунистов к социалистам было понятно — в противном случае КПГ была бы скована своим партнером по коалиции. Избрав подобную тактику, четко описанную в «Апрельских тезисах», В.И. Ленин в итоге привел большевиков к ошеломляющей победе. Однако, видя слабость сил большевиков на отдельных этапах Гражданской войны (и даже на отдельных направлениях), В.И. Ленин мудро соглашался на временные союзы с другими левыми силами (левыми эсерами, меньшевиками, анархистами). В данном же случае была дана четкая установка на дистанцирование от социал-демократов. В итоге случилось большее из двух зол — КПГ не получила необходимого большинства голосов (которое могло бы быть получено в случае блокирования с СДПГ) и к власти пришла НСДАП. Вторая проблема — категорическое неприятие победы коммунистов как капиталистическими, так и военными кругами, что привело к их объединению вокруг НСДАП.

3. Захват власти национал-социалистами во главе с Адольфом Гитлером. Гитлеровской клике удалось установить теснейшее сотрудничество с промышленными, в том числе военно-промышленными, кругами, которые рассматривали национал-социалистов в качестве «жесткой власти», причем не связан-

Эрнст Тельман

Владимир Ленин

Адольф Гитлер

ной с проблемами военной диктатуры. Бавария, на территории которой в 1919 г. непродолжительное время существовала Баварская советская республика, с начала 1920-х годов резко «почернела», превратившись в гнездо германских ультраконсервативных сил. Именно на них сделал ставку германский капитал. Его поддержка позволила гитлеровской клике начать быстрый экономический подъем, используя для этого, в частности, чеки «МЕФО». Между 1934 и 1937 гг. их общая стоимость составила 12 млрд марок — до 40% военных расходов Германии в тот период [1]. В результате не только стала снижаться безработица, но и началось массовое производство техники для возрождения мощи германской армии и флота. Это *стало первым фактором*, позволившим Гитлеру консолидировать германскую нацию.

Гитлеровская клика, в 1933–1934 гг. обеспечивая работой массы безработных (за счет союза с капиталом и запуска многочисленных проектов строительства транспортных магистралей — автобанов), первой показала пути выхода из мирового экономического кризиса в Европе. Модель Советского Союза, не втянутого в мировой экономический кризис, была неприемлема для капиталистов западного мира из-за идеологии большевиков как антагонистов капитализма. Успехи же Франклина Делано Рузвельта в рамках реализации «нового курса» стали отчетливо осознаваться только во второй половине 1930-х годов, тем более что европейские промышленные круги еще не были столь тесно связаны с США, как это имело место позже. Поэтому именно гитлеровская экономическая модель положительно воспринималась капиталистами.

Второй фактор — это централизация и сверхцентрализация власти, на которую согласился германский капитал, стремясь обеспечить сильную власть. Уже через три-четыре месяца после прихода к власти Гитлер смог убедить промышленные круги и тогдашний истеблишмент, что он не «халиф на час» подобно большинству канцлеров Веймарской республики, а новый правитель Германии [2]. Демонстрируя фамильярное уважение к П. фон Гинденбургу, Адольф Гитлер одновременно всячески стремился вычистить

➤ **Коммунисты не были готовы блокироваться с социал-демократами в рейхстаге для создания общего правительства.**

высшие эшелоны власти, поставив у власти своих приближенных.

Кто составлял ядро гитлеровской клики? Это были нацисты, родившиеся в основном в 1880-е годы, чья юность пришлась на 1890–1900-е годы — время расцвета Второго рейха, расползания Германской империи за счет территориальных захватов по всему земному шару. Эти молодые, впечатлительные деятели в наиболее динамичном и творческом возрасте наблюдали стремительный рост германской военной, в том числе военно-сухопутной, мощи. Их зрелость началась во времена Первой мировой войны, сложности которой они увидели на самых низовых должностях. В 1920-е годы они составили костяк НСДАП, и произошло это на территории Баварии, которая была гнездом правоконсервативных сил в период Веймарской республики.

После смерти Гинденбурга Гитлер совместил посты рейхсканцлера и рейхспрезидента. Это означало, что его власть стала более мощной, чем была у Отто фон Бисмарка в тот период, когда он объединял страну «железом и кровью». Фюрер получил больше полномочий, чем кайзеры в период 1890-х — начала 1910-х годов. Офицеры вермахта (армии с новым названием и новым идеологическим наполнением), вновь созданного на основе рейхсвера (1935), присягали на верность не Германии, но фюреру — такого правила не было в кайзеровской Германии. Рейхстаг демонстрировал полную покорность и лояльность гитлеровскому режиму, будучи по сути своей лишь декоративным фасадом тоталитарного режима.

Третий фактор — осознание унижения геополитического характера, то есть та идеологическая яма, в которой оказались немцы, будучи молодой нацией и имея мощный пассионарный заряд. В течение длительного периода истории немецкая

➤ Ядро и верхушку НСДАП составляли бывшие фронтовики — участники Первой мировой войны. Каждый из них в понимании немцев олицетворял собой осколок мощи Германской империи, которую они стремились восстановить.

государственность — Священная Римская империя германской нации (962–1806 гг.) — была весьма рыхлой, аморфной. Эту империю называли «лоскутным одеялом» за многочисленность составлявших ее владений — к концу XVIII в. их насчитывалось около 1,8 тыс. (!), включая земельные участки отдельных рыцарей. При этом до провозглашения в 1804 г. Наполеона I императором Франции во всей Европе (Россия рассматривалась в европейских странах в качестве особой составляющей политического ландшафта) был только один император — монарх, формально возглавлявший Священную Римскую империю (чаще всего король Австрии). После ее крушения германское общество постепенно консолидировалось и активно включилось в строительство Германии, которую Бисмарк создавал «железом и кровью». Хотя проводимые им преобразования (в первую очередь перегибы при осуществлении *Kulturkampf*) подвергались критике, «железному канцлеру» удалось создать молодую, сплоченную германскую нацию. Показатели ее молодости — активное включение в колониальные захваты, формирование концепций глобальной силовой перекройки границ (идея *Mitteleurope* и новое прочтение концепции *Drang nach Osten*).

Особое внимание следует обратить на стойкое сопротивление германских войск в Первую мировую войну, несмотря на то, что силы Антанты как по численности войск, так и по количеству вооружений превосходили рейхсвер, а Австро-Венгрия являлась «мягким подбрюшьем» Германской империи, и для ее поддержки требовалась масса ресурсов (в частности, переброска корпусов и целых армий на австро-российской фронт). Показательно, что Гитлер, как и многие его товарищи, стремился сражаться именно в германской армии, поскольку она (а не австрийская) олицетворяла собой мощь объединенной германской нации.

Желая избежать лишних потерь, союзники осенью 1918 г. не стали добиваться отгеснения отступавших войск рейхсвера, которые капитулировали на *чужой* территории. Это позволило Гитлеру создать миф о «предательстве генералов» и о том, что Германия на самом деле не проиграла войну. Уже через несколько лет после окончания Первой мировой войны, когда усталость от самого конфликта несколько спала, стал проявляться мощный пассионарный заряд, который еще сохранялся у молодой германской нации. От Германской империи были отторгнуты значительные территории с немецким населением, и втиснутость в жесткие территориальные границы оказывала давление на германскую нацию, как на пружину — сжавшись до предела, она рванула в начале 1930-х годов. Почему именно тогда? С момента окончания Первой мировой войны прошло 10–12 лет — срок, достаточный, чтобы забыть негативные черты войны на фоне новых глубоких социально-экономических проблем, но в то же время недостаточный, чтобы выросло новое поколение, которое не знает о мощи Германской империи. Показательно, что ядро и верхушку НСДАП составляли бывшие фронтовики — участники Первой мировой войны. Каждый из них в понимании немцев олицетворял собой осколок мощи Германской империи, которую они стремились восстановить.

Адольф Гитлер строил идеологию новой империи на разрушении старого, неоднократно называвшегося нацистами уродливым, версальского миропорядка. В первую очередь это осуществлялось за счет стремительного роста военной мощи Германии и консолидации на основе военного фактора германской нации. По Версальскому договору численность германской армии была ограничена потолком в 100 тыс., а офицерского корпуса — в 4 тыс., при этом Германии запрещалось иметь Генеральный штаб. Власти Веймарской республи-

ки пошли по пути создания «черного рейхсвера» и воссоздали Генеральный штаб в виде Службы войск (*Truppenamt*) [1, с. 10]. Германия вынесла основные производства новейшей военной техники, которую по Версальскому договору ей запрещалось создавать (1919), в Нидерланды и Швецию, частично апробируя образцы военной техники в Советском Союзе.

В противоположность скрытой деятельности по милитаризации Германии гитлеровский режим придал ей открытый характер, все время проверяя готовность своих потенциальных противников противостоять укреплению официального Берлина. Демонстрируемая слабость западных демократий как основных гарантов Версальского договора (1919) на фоне растущей мощи Германии привела к расширению ее активности. Уже с середины 1930-х годов гитлеровская клика стала задумываться о консолидации вокруг себя не только германской нации, но и Европы в целом, причем данные проекты были значительно более масштабными и обстоятельными, чем те, которые существовали во Втором рейхе.

Какие факторы обеспечивали сплочение правоконсервативных сил вокруг гитлеризма в масштабах Европы в 1936–1939 гг.?

Ключевой фактор — поразительная для обывателей стратегическая успешность внешнеполитической линии гитлеровской клики. Чем она объяснялась? *Во-первых*, грамотным пропагандистским обеспечением осуществляемых акций, по сути военных. К 1936 г. вооруженные силы Германии все еще были невелики как по численности войск, так и с точки зрения масштабов парка вооружений и военной техники. Вместе с тем нельзя не признать очень высокие темпы переоснащения вермахта:

- к 1936 г. помимо десяти переформированных дивизий старой армии Веймарской республики было дополнительно сформировано 26 новых [1, с. 26];
- впервые были созданы три танковые дивизии, укомплектованные более чем на 90% легкими танками Pz.I и Pz.II [3];
- стали активно создаваться обновленные военно-воздушные силы (люфтваффе), имев-

шие около 1 тыс. самолетов современных типов [1, с. 27].

Еще более существенной была показная «игра мускулами», которую с середины 1930-х годов демонстрировала германская пропаганда — она гиперболизировала мощь вермахта, тем самым стремясь предотвратить реальное столкновение с ним значительно более мощных вооруженных сил западных стран.

Впервые в полной мере данная тактика была применена во время ввода германских войск в демилитаризованную согласно Версальскому договору (1919) Рейнскую область: Германия использовала всего три неполные дивизии и заранее высланных солдат — уроженцев этой области для «подготовки условий». В случае полномасштабного конфликта официальный Берлин мог бы выделить для войны на Западе не более 20 дивизий — этих сил едва ли хватило бы, что сдержать британский экспедиционный корпус, не говоря уже о мощной (как считалось) французской армии. При этом Йозеф Геббельс намекал на то, что в Рейнскую область вступили огромные массы войск, а небо было заполнено «бесконечными эскадрильями самолетов» [2, с. 44].

Если в ходе Второй мировой войны и во время самой первой операции по установлению контроля над Рейнской областью немцы обеспечивали скрытность подготовки широкомасштабных операций, то в 1937–1939 гг. Германия, напротив, демонстративно «играла мускулами». Так, оказывая прямое давление

на австрийского канцлера Курта Шушнинга, Гитлер демонстративно вызвал к себе генерала Вильгельма Кейтеля, который подчеркнул полную небоеспособность австрийской армии [2, с. 54]. Накануне аншлюса Австрии Гитлер выехал в штаб группы армий Федора фон Бока, показывая готовность к силовому решению «австрийского вопроса».

Аналогичным образом строилось пропагандистское обеспечение агрессивных планов в отношении Чехословакии. Если возникали проволочки в переговорах с франко-британским тандемом, предшествовавших Мюнхенскому сговору (1938), и в процессе подписания соглашения, Гитлер немедленно заявлял о готовности решить вопрос силой, используя для этого огромную мощь Германии. Однако объективные исследования показывают, что даже чехословацкая армия была в состоянии сдерживать натиск германской военной машины [4], не говоря уже о той помощи, которую ей могли оказать Франция и Великобритания и готов был оказать Советский Союз. Чехословацкая армия, безусловно, смогла бы противостоять вермахту [1, с. 80].

Во-вторых, гитлеровское руководство хорошо понимало психологию лидеров «западных демократий», то есть Великобритании и Франции. Политические элиты двух этих стран пребывали в «стратегическом оцепенении», не понимая хрупкости политической системы Версальского договора. Франко-британский истеблишмент считал, что частные уступки — допущение ввода герман-

ских войск в Рейнскую область (1936), аншлюс Австрии (1938), передача Германии Судетской области (1938) — позволят ему обеспечить безопасность своей собственной территории.

На первом этапе — в 1935–1936 гг. — западные демократии дали возможность гитлеровской Германии вернуть значительную часть земель бывшего Второго рейха. На следующем этапе — в 1937-м — начале 1939 г. — Германии разрешили собрать все земли в Центральной и Восточной Европе, где имелось немецкоговорящее население, — Австрия, Судетская область Чехословакии (обе эти политико-территориальные единицы не входили в состав Второго рейха), Клайпедскую (Мемельскую) область. Наконец, на третьем этапе (по сути уже с весны 1939 г.) Германия, демонстрируя «игру мускулов», стала открыто претендовать на многие негерманские земли как в Восточной Европе, так и в Западной.

Какие мотивы определяли политику западных демократий в отношении Германии? Первый из них — стремление избежать даже небольшого военного конфликта, учитывая усталость общества от огромных потерь времен Первой мировой войны. Во Франции и Великобритании, которые в отличие от Второго рейха не распались, не произошло качественной смены истеблишмента. У власти во второй половине 1930-х годов находились политические деятели, начало расцвета карьеры которых пришлось на время Первой мировой войны. Они не смогли и не захотели ощутить

импульсов, позывов резко менявшейся внешнеполитической обстановки.

Второй мотив — дать возможность Германии дорасти по состоянию полудержавы, тем усмирить ее реваншизм и, следовательно, потенциальную агрессию. Впервые такая политика была опробована в весьма краткий «золотой век» Веймарской республики (1924–1926 гг.), когда пост канцлера занимал Густав Штрэземан [5]. Германии стала оказываться активная экономическая помощь, которая способствовала восстановлению германской промышленности, тем самым позволяя в кратко- и среднесрочной перспективе облегчить для страны бремя выплаты репараций. В долгосрочной же перспективе это вело к восстановлению в полном объеме мощной военной промышленности. Параллельно был понижен уровень жесткости контроля над шагами, предпринимаемыми германским истеблишментом, с целью скрытого восстановления германской армии и военной мощи в целом. Это позволило еще в середине 1920-х — начале 1930-х годов создать те образцы вооружений (в том числе тяжелых — танков, самолетов, тяжелой артиллерии), которые составляли основу парка вооружений вермахта как минимум до 1943 г., то есть в период его наиболее значимых побед [1, с. 26–28]. Особо следует отметить Локарнские соглашения (1925), гарантировавшие восточную границу Германии. Тем самым западные страны впервые продемонстрировали свое согласие с очередным переходом германского государства к концепции

Лидеры режима Виши: маршал Петэн, адмирал Дарлан и Пьер Лаваль

Drang nach Osten — новой полномасштабной агрессии на Востоке.

Этот, третий по счету, мотив являлся стратегическим при реализации политики «умиротворения агрессора» — фактического подталкивания Германии на Восток. «Стрелочники» в лице правительств Великобритании и Франции конца 1930-х годов, видя, что агрессивный запал гитлеровской клики не снизился после включения в состав Германии земель с частичным или преобладающим немецким населением, стали сквозь пальцы смотреть на реализацию устремлений нацистского государства в Восточной Европе. Своими действиями Франция фактически разрушала Восточный вал (Малую Антанту) — цепь расположенных в регионе средних государств, ориентировавшихся на официальный Париж как на большого брата. Особенно четко данная тенденция обозначилась после Мюнхенского соглашения 1938 г., когда на фоне продажи Великобританией и Францией интересов Чехословакии Советский Союз все время указывал на свою готовность оказать этой стране прямую военную помощь. А ведь Чехословакия, как указывал один из ведущих западных политических аналитиков Генри Киссинджер, являлась единственной дееспособной демократией в Восточной Европе [6], то есть наиболее близкой к западным демократиям по своему социально-политическому режиму страной.

Гитлеровская клика хорошо осознавала все три мотива, в особенности последний, обу-

словленный антибольшевизмом. В западном истеблишменте, с большой нелюбовью относившемся к первому государству рабочих и крестьян, сильны были правые настроения. Так, военный министр Франции Эдуард Даладье был известен своими правоконсервативными взглядами, а маршал Анри-Филипп Петэн и генерал Максим Вейган были активными сторонниками политики соглашения с нацистской Германией [7]. Эта симпатия объяснялась и решительностью действий Германии в борьбе с любыми левыми силами, особенно коммунистического толка. При этом в самих западных демократиях ощущался недостаток харизматичных и четко понимающих реальные интересы лидеров — это отчетливо показал Мюнхенский сговор. Франция и Великобритания неправильно оценили угрозу мирового коммунизма — значительно более высоко, чем угрозу прихода к власти нацистов. Показательно, что в условиях объявления войны Германии Великобританией и Францией и непосредственно накануне мощного вторжения вермахта во французские земли (10 мая 1940 г.) официальный Париж задумывался о бомбардировках нефтяных промыслов в Баку (их планировалось осуществить во второй половине 1940 г.) как о наказании СССР за участие в Советско-финской войне 1939–1940 гг.

Германия, пока ей это было необходимо, подыгрывала политическому самоослеплению западных демократий. Так, осенью 1939 г., боясь спровоцировать широкомасштабное наступление французской армии и британского экспедиционного корпуса (суммарно до 110 дивизий) против очень слабой группировки германских войск на западе (чуть более 20 дивизий без танков и с минимальным количеством самолетов), гитлеровская клика значительно снизила интенсивность критики западных демократий. Разумеется, исключались какие-либо провокации с германской стороны. Следует также обратить внимание на неоднократный перенос Германией сроков нападения на Францию — изначально его планировалось осуществить поздней осенью 1939 г., а в итоге оно произошло лишь 10 мая 1940 г. Этот факт укреплял уверенность лидеров Франции и Великобритании в нежелании Германии вести широкомасштабную войну

➤ Уинстон Черчилль уже в начале 1940-х годов понимал, что для демократического Запада угроза нацизма намного страшнее, чем все риски, связанные с распространением идеологии большевиков.

против них. В худшем случае Германия должна была ограничиться периферийной стратегией (то есть боевыми действиями в Скандинавии).

Как ни парадоксально, отчасти эти ожидания были справедливы. В отличие от Восточной Европы, где гитлеровский режим уничтожал не только государства, но и целые народы, стремясь ногами солдат вермахта затоптать и гусеницами танков задавить саму возможность сохранения государственности поляков и чехов, в Западной Европе условия оккупации были значительно более мягкими. Показательно, что в июне 1940 г. при обсуждении условий капитуляции Франции Гитлер отклонил предложения генералитета о полной оккупации французской территории и ликвидации французских вооруженных сил.

Германия позволила создать на юге Франции коллаборационистский режим Виши. Эта значительная по площади территория была оккупирована только осенью 1942 г., когда произошел коренной перелом в Великой Отечественной войне. Чем объяснялся столь мягкий подход?

Гитлеровское руководство во главе с фюрером понимало, что оккупация всей Французской республики — не только метрополии, но и многочисленных колоний — сложно осуще-

ствима. Для этого потребуются десятки дивизий, которые трудно будет снабжать (вероятность продолжения войны с Великобританией была очень высока). Но еще более важно было иное: создавая своеобразную «Веймарскую Францию» в виде правительства Виши, Германия стремилась создать модель успешного коллаборационистского режима, тем самым формируя благоприятные предпосылки для дальнейшего укрепления пронацистских, ориентированных на Германию режимов и сил. На достижение этой же цели были направлены усилия Германии по поддержке режима Квислинга в Норвегии, независимой Словакии и украинских националистов. Думается, что именно летом 1940 г., после заключения Компьенского мира с Францией, скрытая поддержка идеи достижения сделки с Гитлером была как никогда сильна в Великобритании. Здесь нельзя не отметить огромную положительную роль, которую сыграл в борьбе с гитлеризмом Уинстон Черчилль. Этот политик уже в начале 1940-х годов понимал, что для демократического Запада угроза нацизма намного страшнее, чем все риски, связанные с распространением идеологии большевиков. Одной из последних попыток гитлеровского режима достичь стратегической сделки с Великобританией (а в теории с англо-саксонскими элитами в целом) стал полет Р. Гесса, до того бывшего наци № 2, в Великобританию в 1940 г.

Уинстон Черчилль

В-третьих, гитлеровская клика всю вторую половину 1930-х годов уверенно удерживала инициативу. Политика Гитлера не была реактивной, то есть осуществляемой в ответ на действия внешних сил, она отличалась последовательностью и проводилась в соответствии с хорошо продуманным планом. В отличие от официального Берлина истеблишмент Франции и Великобритании ушел в стратегическую оборону и не проявлял готовности к каким-либо активным действиям. Символом этой линии следует признать Линию Мажино, хотя она иллюстрирует лишь часть во-

➤ В значительной степени успехи гитлеризма объяснялись общей тенденцией укрепления правых сил в Европе и их ориентацией на «новый порядок» на континенте.

енной составляющей общеполитического подхода франко-британского тандема. Эта тенденция проявилась и в ходе Гражданской войны в Испании (1936–1939). Для поддержки мятежников Франсиско Франко Германия направила 50 тыс. солдат и офицеров [8], свыше 100 танков и 600 самолетов в составе знаменитого легиона «Кондор» [1, с. 28], а Италия — 150 тыс. [8, с. 242] (до этого демонстративно осуществив агрессию против Эфиопии в 1935 г.). В то же время поддержка Францией и особенно Великобританией официального Мадрида, где ключевую роль в правительстве играли левые силы, была минимальной, а 17 марта 1938 г. Франция вообще закрыла свою границу с Испанией, через которую поступала основная масса техники для сражающейся страны. Тем самым Испания фактически была обречена на поражение, поскольку не могла выиграть новых «битв на измор».

Великобритания и Франция неоднократно упускали шансы предотвратить распространение германской экспансии — достаточно вспомнить ввод германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону (1936) и аншлюс Австрии (1938). Удар по Германии в период Судетского кризиса 1938 г. или в тот момент, когда практически все боеспособные соединения вермахта участвовали в разгроме Польши в сентябре 1939 г., был бы фатальным для власти Гитлера. Робкая попытка перехватить инициативу была предпринята в апреле 1940 г. после высадки германских войск в Норвегии, когда норвежские и экспедиционные франко-британские войска организовали ряд частных, но достаточно эффективных контрударов [8, с. 247]. В качестве второй попытки можно рассматривать инициативу Шарля де Голля о временном слиянии Франции и Великобритании в одно государство с целью сохране-

ния первой в военной связке со второй. Британская элита положительно отреагировала на это предложение, но оно было категорически отвергнуто многими представителями французского истеблишмента, стремившегося к стратегической сделке с гитлеровским режимом. Показательно, что третья попытка была осуществлена Великобританией совместно с Советским Союзом. Однако все упомянутые шаги, предпринятые при активном участии Великобритании, имели место уже после начала Второй мировой войны, когда гитлеровская клика прочно завладела инициативой в осуществлении военно-стратегических планов.

Это происходило на фоне весьма ограниченной поддержки Германии со стороны ее союзников. Италия, как, в частности, показал ход французской кампании, не была пригодна даже для проведения операций сковывающего характера. Япония, что особенно отчетливо показал Перл-Харбор (1941), в реальности не собиралась ставить Германию в известность обо всех своих стратегических планах. Именно в данном случае впервые стал проявляться реактивный характер германской внешней политики — Гитлер, фактически шествуя в хвосте японской внешней политики в этом вопросе, объявил войну США 11 декабря 1941 г., не просчитав последствий такого шага. По мере дальнейшего самоослепления гитлеровского руководства его политика, в том числе военная стратегия и тактика, все чаще становилась реактивной, непродуманной. В частности, вопреки донесениям разведки гитлеровское руководство не ожидало масштабной высадки союзников во Франции летом 1944 г., все еще продолжая считать их не готовыми к стратегической активизации деятельности.

В-четвертых, Германия позиционировала себя в качестве молодой, растущей, поднимающейся нации, противовеса уже угасающим западным демократиям. В Германии при Гитлере шло активное строительство новых огромных монументальных сооружений — ничего подобного ни в Париже, ни в Лондоне не было [2, с. 66–67]. Это дало возможность немцам почувствовать укрепляющуюся мощь, вновь ощутить свою страну державой, а на

коротком временном отрезке 1938–1942 гг. даже сверхдержавой.

Показательно место проведения переговоров по судетскому вопросу, которые стали кульминацией собственно дипломатических успехов, до введения в дело военной машины. Это был «коричневый дом», то есть штаб-квартира НСДАП в Мюнхене (Бавария) [2, с. 62], на родине немецкого национал-социализма. Чемберлен и Даладье проходили мимо почетного караула эсесовцев — не армейских подразделений, а именно гвардии, отборных головорезов нацистского режима, — нисколько не смущаясь данным обстоятельством. Инициатива созыва конференции принадлежала Бенито Муссолини — в тот период ближайшему союзнику Гитлера. Они вдвоем встречали премьер-министров Великобритании и Франции, ощущая себя хозяевами положения.

Само провозглашение Третьего рейха в реалиях середины 1930-х годов было решением на опережение — по своей военно-политической мощи германское государство в этот период не дотягивало до критериев державы. Однако, используя концепцию созда-

ния новой, общегерманской, империи, Гитлер сумел достаточно быстро объединить под своей властью большую часть территорий Второго рейха (кайзеровской Германии) и Австро-Венгерской империи. Гитлеровской клике еще до начала Второй мировой войны, в 1938–1939 гг., удалось установить контроль над двумя ее главными частями — собственно Австрией и чехословацкими территориями, параллельно заключив прочный союз с фашистской Венгрией.

Какие еще факторы способствовали сплочению правых сил в Европе вокруг нацистского режима?

Гитлер предложил, как казалось тогда в Европе, план ее объединения. Германия становилась промышленным и культурным центром континента, давая «гарантии» безопасности коллаборационистам во Франции, Испании и Италии, то есть в западной его части, и даже предоставляя последним возможность для обогащения. Одновременно восток Европы становился сырьевым придатком Третьего рейха, постепенно превращаясь в колонируемую им огромную территорию. Из поли-

Групповое фото фюрера Адольфа Гитлера и высшего командования Третьего рейха Германии в резиденции Фельзеннест. 6–9 июня 1940 г.

➤ Капитализм западных демократий считал, что советская власть с ее стремлением к светлому будущему для трудящихся представляет для него большую потенциальную угрозу, чем национал-социализм с его человеконенавистнической идеологией.

тически разобщенной Европа превращалась в консолидированную, однородную, спаянную идеями национал-социализма и кровью расстрелянных коммунистов и рабочих. В этом состояла привлекательность так называемого нового порядка, строившегося по формуле «Один рейх, одна нация, один фюрер». Объединившись, Европа получала необходимые ресурсы для продвижения на Восток. Под Востоком в первую очередь подразумевался Советский Союз. Привлекательность идей гитлеризма необходимо проиллюстрировать тенденцией неуклонного увеличения численности войск СС. Во-первых, стремительно росли собственно германские части: отряд «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», в 1933 г. представлявший из себя усиленную роту, к началу Второй мировой войны стал полнокровной дивизией. Рост численности войск СС был столь значителен, что в 1945 г. общее число только дивизий (не считая многочисленных отдельных частей) лишь в действующей армии достигло 22(!) [9]. Это составляло примерно 10–15% от общей численности вермахта, неоднократно пополнявшегося за счет многочисленных «тотальных мобилизаций».

В 1945 г. была даже создана 6-я танковая армия СС, являвшаяся главной ударной силой на Западном фронте в период наступления в Арденнах и «перемолотая» советскими войсками весной 1945 г. В составе войск СС были дивизии, сформированные из жителей Латвии и Эстонии (№ 19 и 20, часть их личного состава составляли остзейские немцы), украинских националистов (№ 14), отрядов хорватских усташей и французских коллаборационистов.

Германские промышленные корпорации получили возможность значительно увеличить свои прибыли, объединяясь с французскими и другими западноевропейскими фирмами и компаниями и выкачивая массу дарового сырья и рабочей силы (в виде военнопленных и угоняемых в немецкую неволю советских

людей). Таким образом, вслед за попытками сцементировать европейский континент с помощью германской армии его стали постепенно опутывать своими нитями германский капитал и промышленность. Они развивали активные связи с капиталистами США, и сотрудничество продолжалось и после того, как Германия и Соединенные Штаты стали противниками в войне. Прежде всего этот факт обуславливался наличием общих капиталистических интересов, в том числе борьбой с большевиками на глобальном уровне [10].

Все эти успехи позволили гитлеровской клике достаточно быстро — менее чем за четыре года (в том числе около полутора лет открытой военной агрессии) — покорить или приручить страны континентальной Европы, выкачивать из них сырье, даровую рабочую силу и превращать их в огромный рынок сбыта для германской продукции. Для сравнения: Наполеону, чтобы осуществить завоевания, понадобилось около шести лет подготовки (Гитлеру — около четырех) и два с половиной года активных боевых действий. Карл XII за восемь лет активных боевых действий (к которым Швеция готовилась столетия, создавая стратегический плацдарм на территории Прибалтики) смог занять только Польшу, литовские области и 1/6 часть территории современной Германии. В значительной степени успехи гитлеризма объяснялись общей тенденцией укрепления правых сил в Европе и их ориентацией на «новый порядок» на континенте.

Западные демократии, несмотря на политическую правильность их устройства, оказались не способны активно и быстро реагировать на вновь возникающие угрозы и вызовы безопасности. Даже США при всей их мощи не сыграли сколько-нибудь значимой роли в приостановлении нацистской агрессии, не отреагировав на ввод германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону (1936), на

аншлюс Австрии и Судетский кризис (1938). Лига Наций — детище франко-британо-американского тандема победителей, созданное после окончания Первой мировой войны, — не смогла противостоять не только Германии, но даже ее гораздо более слабым партнерам (Италии, Японии).

Это означало, что политическая модель западной демократии оказалась не способна противостоять национал-социализму — сдержать мощную, направленную на сплочение правых и ультраправых сил, идеологическую машину, остановить вермахт и не прогнуться перед использующей средства силового давления германской дипломатией, за которой стояли германские промышленники. Капитализм западных демократий считал, что советская власть с ее стремлением к светлому будущему для трудящихся представляет для него большую потенциальную угрозу, чем национал-социализм с его человеконенавистнической идеологией.

Инициированный Генрихом Гиммлером секретный документ под названием «Генеральный план „Ост“» предусматривал физическое истребление миллионов, в течение 25–30 лет депортацию 80–85% населения Польши, 85% — Литвы, 65% — Западной Украины, 75% — Белоруссии и по 50% жителей Латвии, Эстонии и Чехии. По подсчетам начальника планового отдела при имперском комиссаре по вопросам консолидации германского народа, директора Института сельскохозяйственной жизни и аграрной политики Берлинского университета профессора Конрада Мейера-Хейтлица (получившего 21 июня 1941 г. персональное задание от Гиммлера), на пространстве, подлежащем немецкой колонизации, проживало 45 млн человек. Не менее 31 млн тех из них, кто будет объявлен «нежелательным по расовым показателям», предполагалось выселить в Сибирь и сразу после разгрома СССР переселить на освободившиеся территории до 840 тыс. немцев. В течение последующих двух-трех десятилетий планировались еще две волны поселенцев численностью 1,1 и 2,6 млн человек, а Эстония и Латвия в течение 20 лет подлежали тотальному онемечиванию [11, 12]. Объясняя, откуда взять столько людей для заселения,

в сентябре 1941 г. Гитлер заявил, что на советских землях, которые должны стать «провинциями рейха», необходимо проводить «плановую расовую политику», направляя туда и наделяя землями не только немцев, но и родственников им по языку и крови норвежцев, шведов, датчан и голландцев [13]. «При заселении русского пространства, — говорил он, — мы должны обеспечить имперских крестьян необычайно роскошным жильем. Германские учреждения должны размещаться в великолепных зданиях — губернаторских дворцах. Вокруг них будут выращивать все необходимое для жизни немцев» [13].

Гитлер увещевал собеседников после поражения под Москвой: «Потери будут восстановлены в многократно превосходящем их объеме в поселениях для чистокровных немцев, которые я создам на Востоке... Право на землю, согласно вечному закону природы, принадлежит тому, кто завоевал ее, исходя из того, что старые границы сдерживают рост численности народа. И то, что у нас есть дети, которые хотят жить, оправдывает наши притязания на вновь завоеванные восточные территории» [13, с. 72]. И русские, и украинцы, и славяне в целом, по мнению Гитлера, принадлежали к расе, недостойной гуманного обращения и затрат на образование: «С них будет вполне достаточно умения читать дорожные указатели, немецкому учителю там нечего делать. Под свободой украинцы понимают разрешение мыться только один раз в месяц, а не два раза, как прежде, немец со своей зубной щеткой вскоре будет вызывать у них только раздражение. Он лично, будучи фюрером немецкого народа, принял достаточно хорошо продуманное решение управлять именно в соответствии с этими принципами, и его совершенно не интересует мнение славян по этому поводу» [13, с. 505–506].

После разговора с Гитлером 8 июля 1941 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер пишет в дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих горо-

дов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще» [14].

Медицина и власть — их взаимоотношения всегда неоднозначны. Утверждение о том, что врач должен быть вне политики, безусловно, верно. К сожалению, верно и то, что в большинстве случаев врач, существующий в конкретном социуме, неизбежно подвержен тем же соблазнам, угрозам и опасностям, что и любой другой гражданин. Возможно, поэтому судьбы врачей, живших в нацистской Германии, сложились по-разному. Например, максимально приближенными к власти были ответственные за выполнение программы умерщвления *Aktion T4*: сын врача рейхсляйтер Виктор Брак и личный врач Гитлера Карл Брандт. Известно, что в семи центрах эвтаназии, каждый из которых располагал отдельной сетью психиатрических клиник, в том числе в Бранденбурге, Графенеке, австрийских городах Хартхайме, Бернбурге и других, работали сотни великолепно образованных и профессионально состоявшихся врачей.

В рамках осуществления программы «расовой гигиены» (евгенической программы *Aktion T4*), проводившейся нацистами с целью очищения арийской расы от людей, существование которых могло повлиять на появление здорового потомства, было стерилизовано от 300 до 400 тыс. больных шизофренией, эпилепсией, болезнью Гентингтона, полиомиелитом, рассеянным склерозом и болезнью Паркинсона, имевших аномалии развития, страдавших врожденной слепотой и глухотой, хроническим алкоголизмом, различными видами слабоумия, а также пациентов с психическими заболеваниями, не способных заниматься физическим трудом, пациентов, находящихся на лечении более пяти лет, парализованных больных и пациентов неарийского происхождения, выявлявшихся через амбулаторных врачей и частных психиатров [15, 16]. Насильственная стерилизация проводилась калечащими методами, более 3,5 тыс. пациентов, преимущественно

➤ Программа эвтаназии применялась также и в отношении немецких солдат, получивших неизлечимые увечья на фронте.

но женщин, умерли в результате операций. Для того чтобы навсегда избавить общество от «бесполезных едоков», с 1939 по 1945 г. были подвергнуты эвтаназии 275 тыс. человек [15]. Эвтаназия осуществлялась при помощи инъекций фенола, преднамеренной передозировки психотропных препаратов, постепенного истощения пациентов или отравления угарным газом или газом «Циклон Б». В специализированных детских отделениях были убиты более 5 тыс. детей. Если в первые годы реализации программы уничтожались только неизлечимо больные дети в возрасте до трех лет, то позднее программа распространилась на подростков до 17 лет. Методы умерщвления детей тоже были весьма «экономичными» — либо убийства совершались при помощи инъекций барбитуратов, либо детей просто морили голодом. Удивительно, но программа эвтаназии применялась также и в отношении немецких солдат, получивших неизлечимые увечья на фронте.

Стратегическая близорукость Запада очевидна и сегодня, после окончания холодной войны. Россия, особенно в результате украинских событий и ее закономерного активного вовлечения в борьбу с международным терроризмом в Сирии, вновь превратилась во врага и мишень для критики с целью сплочения ослабленного глубокими внутренними противоречиями западного общества.

Последние выборы в Германии продемонстрировали увеличение поддержки праворадикальных сил; данная тенденция сегодня в целом характерна для многих европейских государств. В связи с этим возникает вопрос: насколько опасны поползновения идеологов национал-социализма в Европе, в частности в Германии, сплотить на основе своих идей правые силы?

➤ Сегодня Россия вновь превратилась во врага и мишень для критики с целью сплочения ослабленного глубокими внутренними противоречиями западного общества.

С одной стороны, на пути этой идеологии существует масса препятствий, созданных западной демократией: от прививки демократического кода на древо политической системы ФРГ до активного развития европейской интеграции как средства пресечения радикализации массового мышления на континентальном уровне. Однако если до середины 2000-х годов европейская интеграция в целом носила поступательный характер, то в конце 2000-х — начале 2010-х годов она вступила в фазу кризисного развития, проявившегося во многих измерениях (идеологическом, экономическом, социальном, военном). С середины 2010-х годов можно наблюдать постепенный регресс и даже деградацию в развитии европейской интеграции — уменьшение способности европейских элит (в том числе наднациональной элиты) принимать решения, *Brexit*, сложности очередного этапа расширения Европейского союза, неготовность новых государств вступать в зону евро. Это говорит о том, что в долгосрочной перспективе ЕС может не стать эффективным препятствием на пути праворадикальных сил. Рост праворадикальных настроений, выливающийся в поддержку соответствующих политических сил в рамках демократических процедур (выборы), на фоне миграционного кризиса наблюдается сейчас во многих европейских государствах,

в том числе в ФРГ. Однако означает ли это скорое возвращение национализма?

С другой стороны, большинство европейских народов переживают упадок пассионарности. Расцвет пассионарности в Германии прекратился с уничтожением Третьего рейха. Как следует из концепции Л.Н. Гумилева, перенесение деятельности из преимущественно военной главным образом в экономическую сферу — именно это имело место в ФРГ в годы холодной войны и после ее окончания — свидетельствует о снижении пассионарного заряда нации [17]. Даже присоединение ГДР к ФРГ (1990) дало лишь кратковременный эффект, не приведший к общему долгосроч-

References

1. Utkin A.N. *Rossiya nad bezdnoy. 1918 g. — dekabr' 1941 g.* [Russia Over the Abyss. 1918 — December 1941]. Smolensk, Rusich, 2000, p. 24.
2. *Neizvestnyy Gitler. Taynoe dos'e NKVD, sostavlennoe na osnove protokolov doprosov lichnogo ad'yutanta Gitlera Otto Gyunshe i kamerdinera Geyntsa Linge v Moskve v 1948–1949 gg.* [Unknown Hitler. NKVD Secret Dossier, Drawn up on the Basis of Interrogation Protocols of Hitler's Personal Adjutant Otto Günsche and His Valet Heinz Linge in Moscow in 1948–1949.]. Moscow, Olma-Press, 2006, p. 22.
3. Guderian G. *Vospominaniya nemetskogo generala. Tankovye voyska Germanii vo Vtoroy mirovoy voyne* [Memories of the German General. German Tank Forces in the Second World War]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007, p. 34.
4. Mel'tyukhov M.I. *Sovetsko-pol'skie voyny. Belyy orel protiv Krasnoy zvezdy* [Soviet-Polish Wars. White Eagle vs. Red Star]. Moscow, Yauza, Eksmo, 2004, p. 250.
5. Preparata G. *Kak Britaniya i SShA sozdavali Tretiy reykh* [How Britain and the US were creating the Third Reich]. Moscow, Pokolenie, 2007, pp. 229–235.
6. Kissindzher G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2005.
7. Molchanov N. *General de Gaulle* [General de Gaulle]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980, pp. 131–139.
8. *Atlas ofitsera* [Officer's Atlas]. Moscow, Voenno-topograficheskoe upravlenie, 1974, p. 242.
9. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.* [The Great Patriotic War of 1941–1945]. Fotoal'bom. Moscow, Planeta, 1984, p. 324.

ному подъему пассионарности. При таком раскладе сил вероятность резкой радикализации резко снижается. Она может произойти только в случае стратегической встряски, стратегических шоков, которые привели бы к идеологическому перерождению германской нации. На данный момент вероятность этого крайне низка, однако на фоне происходящих политических катаклизмов нельзя исключать подобного сценария в отдаленной перспективе.

□

ПЭС 17042 / 02.03.2017

Источники

1. Уткин А.Н. Россия над бездной. 1918 г. — декабрь 1941 г. Смоленск: Русич, 2000. С. 24.
2. Неизвестный Гитлер. Тайное досье НКВД, составленное на основе протоколов допросов личного адъютанта Гитлера Отто Гюнше и камердинера Гейнца Линге в Москве в 1948–1949 гг. М.: Олма-Пресс, 2006. С. 22.
3. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. М.: Центрполиграф, 2007. С. 34.
4. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Белый орел против Красной звезды. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 250.
5. Препарата Г. Как Британия и США создавали Третий рейх. М.: Поколение, 2007. С. 229–235.
6. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Международные отношения, 2005.
7. Молчанов Н. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1980. С. 131–139.
8. Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление, 1974. С. 242.
9. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Фотоальбом. М.: Планета, 1984. С. 324.
10. Безыменский Л.А. Тайный фронт против Второго фронта. М.: Издательство АПН, 1987. С. 63–104.
11. Мадайчик Ч. Существует ли синхронность между Генеральным планом «Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: Пер. с нем / Под ред. В. Михалки; Предисл. В. Рана. М.: Весь Мир, 1997. С. 671–674.
12. Deutschland im Zweiten Weltkrieg (Bd. 2. S. 118) // Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР: Сб. документов и материалов. МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет мировой политики / Под общ. ред. В.А. Золотарева. М., 2015. С. 283.
13. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993. С. 36–37.
14. Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 — 24.09.1942 / Пер. с нем. М., 2004. С. 92.
15. Zeidman L.A. Neuroscience in Nazi Europe Part II: Resistance against the Third Reich. Canadian Journal of Neurological Science. 2011; 38:826–838. doi: 0.1017/s0317167100012397.
16. Протоиерей Николай Артемов. К 50-летию со дня убийства Александра Шмореля (1993) // Вестник Германской епархии Русской Православной Церкви за границей. 1995. № 1.
17. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Издательство Ленинградского университета, 1989.
10. Bezymenskiy L.A. Taynyy front protiv Vtorogo fronta [Secret Front Against the Second Front]. Moscow, Izdatel'stvo APN, 1987, pp. 63–104.
11. Madaychik Ch. Sushchestvuet li sinkhronnost' mezhdu General'nym planom "Ost" i "okonchatel'nym resheniem evreyskogo voprosa"? [Is There a Synchronicity Between the General Plan "Ost" and the "Final Solution of the Jewish Question"?]. Vtoraya mirovaya vojna: Diskussii. Osnovnye tendentsii. Rezul'taty issledovaniy [World War II: Discussions. Main Trends. Research Results]. Pod redaktsiye V. Mikhalki, Predislovie V. Rana. Moscow, Ves' Mir, 1997, pp. 671–674.
12. Deutschland im Zweiten Weltkrieg (Bd. 2. S. 118). Politiko-strategicheskoe soderzhanie planov Tre't'ego reykh'a v otnoshenii SSSR [Political and Strategic Content of the Third Reich's Plans for the USSR]. Sb. dokumentov i materialov. MGU im. M.V. Lomonosova. Fakul'tet mirovoy politiki. Pod obshchey redaktsiye V.A. Zolotareva. Moscow, 2015, p. 283.
13. Piker G. Zastol'nye razgovory Gitlera [Table-talks of Hitler]. Smolensk, Rusich, 1993, pp. 36–37.
14. Gal'der F. Voennyi dnevnik. 22.06.1941 — 24.09.1942 [Military Diary. 22.06.1941 — 24.09.1942]. Moscow, 2004, p. 92.
15. Zeidman L.A. Neuroscience in Nazi Europe Part II: Resistance against the Third Reich. Canadian Journal of Neurological Science. 2011; 38:826–838. doi: 0.1017/s0317167100012397.
16. Protoierye Nikolay Artemov. K 50-letiyu so dnya ubieniya Aleksandra Shmorelya (1993) [To the 50th Anniversary of Alexander Shmorel's Murder (1993)]. Vestnik Germanskoy eparkhii Russkoy pravoslavnoy tserkvi za granitsey, 1995, no. 1.
17. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. Moscow, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1989.